
«ЯПОНСКИЙ ВОПРОС» В СТРАТЕГИИ КОМИНТЕРНА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ МИЛИТАРИЗАЦИИ (1920–1937 гг.)

© 2026

А. А. Нарышкин¹

В статье рассказывается об эволюции деятельности Коминтерна на японском направлении в 1920–1937 гг. Показано, что при сохранении идеологической установки на мировую революцию приоритеты в значительной мере смещались в сторону прикладных задач, связанных с обеспечением безопасности СССР на Дальнем Востоке и сдерживанием японской экспансии в сопредельных регионах. Анализируются предпосылки формирования коммунистического движения в Японии, создание Коммунистической партии Японии (КПЯ), а также механизмы внешней поддержки через дальневосточные центры Коминтерна. Особое внимание уделяется воздействию государственной репрессивной политики Японии, приведшей к дезорганизации партийных структур и ограничению возможностей легальной мобилизации. В этих условиях функционал Коминтерна трансформировался: на первый план вышли поддержание подпольных сетей, сохранение кадрового ядра и каналов коммуникации, подпольная печать и сбор политической информации. В заключительной части обозначается связь коминтерновской линии с антифашистской стратегией середины 1930-х гг., а также роль разведывательно-информационного компонента в условиях фактической деградации массовой базы КПЯ.

Ключевые слова: Коммунистический интернационал, Восточная Азия, Япония, советское влияние, национально-освободительное движение, единый фронт

Для цитирования: Нарышкин А. А. «Японский вопрос» в стратегии Коминтерна: политические установки и практическая реализация в условиях милитаризации (1920–1937 гг.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 74–80. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-074-080

“THE JAPANESE QUESTION” IN THE COMINTERN’S STRATEGY: POLITICAL GUIDELINES AND PRACTICAL IMPLEMENTATION UNDER THE CONDITIONS OF MILITARIZATION (1920–1937)

Andrey A. Naryshkin

This article examines the evolution of the Comintern’s activities in the Japanese direction from 1920 to 1937. It shows that, while the ideological commitment to world revolution was maintained, priorities largely shifted

¹ Нарышкин Андрей Александрович, доктор политических наук, доцент кафедры дипломатии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва; andr-naryshkin@yandex.ru

Andrey A. Naryshkin, DSc (Political Science), Associate Professor, Department of Diplomacy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University), Moscow; andr-naryshkin@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9815-0693

toward practical tasks related to ensuring the USSR's security in the Far East and containing Japanese expansion in neighboring regions. The article analyzes the preconditions for the formation of the communist movement in Japan, the establishment of the Japanese Communist Party (JCP), and the mechanisms of external support channeled through the Comintern's Far Eastern centers. Particular attention is paid to the impact of Japan's repressive state policies, which led to the disorganization of party structures and constrained the possibilities for legal mobilization. Under these conditions, the Comintern's functions were transformed: maintaining underground networks, preserving the cadre core and channels of communication, clandestine publishing, and collecting political information came to the fore. The concluding section highlights the link between the Comintern's line and the anti-fascist strategy of the mid-1930s, as well as the role of the intelligence and information component amid the effective erosion of the JCP's mass base.

Keywords: Communist International, East Asia, Japan, Soviet influence, national liberation movement, United Front

For citation: Naryshkin A. A. "The Japanese Question" in the Comintern's Strategy: Political Guidelines, and Practical Implementation Under the Conditions of Militarization (1920–1937). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 74–80. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-074-080

Введение

На японском направлении работа Коминтерна была ориентирована не столько на продолжение мировой революции, сколько на решение прикладных задач безопасности. Идея глобального революционного процесса, безусловно, сохраняла значение в идеологическом плане, однако конкретная международная обстановка диктовала иной приоритет: ослабление позиций империалистической державы, которая в межвоенный период воспринималась в Москве как один из наиболее активных противников Советского Союза. В этом смысле деятельность Коминтерна в Японии становилась элементом оборонительной стратегии — попыткой защитить результаты Октябрьской революции и одновременно ограничить расширение японского влияния в сопредельных регионах, прежде всего в Корее и Китае.

Сформировавшееся в начале 1920-х гг. японское коммунистическое движение оказалось в условиях системного и жёсткого противодействия со стороны государства. Политический контроль над левыми организациями, репрессивные меры, массовые аресты и постоянное идеологическое давление последовательно сужали пространство для легальной деятельности. К началу 1930-х гг. легальные формы борьбы были фактически парализованы: организационные структуры разрушались, связи между активистами рвались, а публичная политическая работа становилась крайне рискованной.

В результате функционал Коминтерна в японском контексте заметно трансформировался. На первый план вышли поддержка подпольных кружков и уцелевших сетей, помощь в сохранении кадрового ядра и каналов коммуникации, а также сбор сведений о внутренней и внешней политике Японии.

В методологическом отношении анализ «японского направления» Коминтерна целесообразно вести в расширенной рамке политэкономии безопасности и организационной устойчивости. Подобно тому как в современных исследованиях крупных трансформаций акцент смещается от статичных показателей обладания ресурсом к оценке устойчивости инфраструктур и управляемости рисков, в межвоенной Восточной Азии вопрос влияния и безопасности также может быть описан через призму способности поддерживать работоспособность сетей, каналов и процедур в условиях внешнего давления [Нарышкина, 2025]. Это позволяет рассматривать эволюцию практик Коминтерна не как линейное ослабление под воздействием репрессий, а как процесс исторической

эволюции приоритетов и инструментов при изменении конфигурации угроз. Описанный подход дополняется инструментарием ситуационного анализа в контексте дипломатии второго трека и научной дипломатии. Хотя исходно этот метод применяется к современным международным конфликтам, его значимость для исторического исследования состоит в том, что он задаёт последовательность аналитических операций, повышающих прозрачность аргументации и сопоставимость выводов.

Применительно к 1920–1937 гг. это означает, что Коминтерн, КПЯ и связанные с ними структуры можно анализировать как элементы многоуровневой системы, где эффективность определялась не столько декларативными целями, сколько устойчивостью инфраструктуры подполья: кадрового ядра, конспиративных процедур, каналов связи и финансирования, механизмов нелегальной печати, а также контуров сбора и передачи политической информации.

Начало коммунистического движения в Японии

В японском обществе 1910–1920-х гг. существовали сильные левые настроения, связанные с рабочим движением и идеями социализма. Октябрьская революция вызвала большой резонанс среди японских радикалов, и некоторые из них стремились установить связь с Москвой. Важно отметить, что подобные контакты с внешним центром могли реализовываться не только через формальные партийные структуры, но и через более гибкие, «внепротокольные» каналы коммуникации — то, что в современной терминологии описывается как неофициальные форматы взаимодействия, аналогичные логике дипломатии второго трека [Аликберов, Наумкин, 2024], создающие пространство для обмена позициями и выработки подходов при отсутствии устойчивых официальных каналов. В таких форматах решающим становится не публичный статус участников, а их включённость в сеть доверия, возможность конфиденциального обсуждения и практическая полезность результатов для принимающих решения акторов.

Конгресс революционных организаций Дальнего Востока 1922 г., прошедший с участием японских делегатов, обозначил интерес Коминтерна к Японии [Корейцы в СССР, 2004, с. 101–105]. С методологической точки зрения подобные площадки можно рассматривать как раннюю форму организованного «ситуационного обсуждения» транснациональной повестки: они позволяли одновременно выявлять проблему, уточнять круг заинтересованных сторон и их интересы, сопоставлять позиции и формировать набор установок для последующих действий, то есть выполнять функции, близкие к тем, которые в более поздних практиках описываются как этапы ситуационного анализа.

Одним из видных представителей японских социалистов, сблизившихся с Коминтерном, был Катаяма Сэн — ветеран рабочего движения, эмигрировавший в Советскую Россию. В 1922 г. он присутствовал на упомянутом Дальневосточном конгрессе. В своём выступлении на заседании Дальбюро ЦК РКП(б) он призвал к сплочению антиимпериалистических сил Востока, констатируя, что «японский пролетариат теперь уже узнал, к чему ведёт политика их правящих классов, ему знаком и зверский разгром японскими императорскими войсками амурской деревни Ивановки, и обречение японского гарнизона в Николаевске-на-Амуре для создания предлога продолжения интервенции» [Выступление Сэн Катаяма, 1922, с. 278].

Непосредственно в Японии создание коммунистической партии происходило тайно. Несмотря на то, что Катаяма Сэн на упомянутом выступлении утверждал о создании коммунистической партии Японии в 1921 г. [Выступление Сэн Катаяма, 1922], всё же в историографии принято считать, что Японская коммунистическая партия была образована в Токио в июле 1922 г. Официально Коммунистическая партия Японии (КПЯ) была учреждена несколькими организациями левого

толка 15 июля 1922 г. [ВКП(б), Коминтерн и Япония, с. 282]. Коминтерн вскоре принял КПЯ в качестве японской секции, поручив курировать её деятельность Дальневосточному бюро ИККИ в Шанхае. Программные установки японских коммунистов во многом формировались под влиянием советских советников [Программа КПЯ, 1922]. Структура, сформированная из нескольких организаций, слитых воедино, оказалась непрочной и уже в 1924 г. была дезорганизована и фактически прекратила функционирование в прежнем виде [Письмо Г. Н. Войтинского, 1924]. В 1920-е гг. КПЯ провозглашала конечной целью свержение императорского строя и установление диктатуры пролетариата, хотя признавалось, что сначала Япония должна пройти через стадию демократической революции, учитывая наличие феодальных пережитков. В первые годы своего существования КПЯ была крайне немногочисленной и действовала конспиративно. Коминтерн финансово поддерживал японское подполье, переправляя деньги через Шанхай и Корею, а также помогал налаживать подпольную печать.

Противостояние с государством и кризис партии (1925–1934)

Японское правительство с тревогой восприняло появление в стране коммунистической пропаганды. Опасаясь «большевистской заразы», Токио ещё в 1918–1922 гг. участвовал в интервенции против Советской России [Обращение Народного Собрания Дальневосточной Республики к народам и правительствам всего мира, 1921, с. 570]. Кульминацией стало принятие Закона о сохранении мира в 1925 г., который криминализировал любую деятельность, направленную на «изменение государственного строя» — фактически против компартии и анархистов [Takasi, 2019, p. 463]. В том же 1925 г. полиция впервые разгромила сеть коммунистических активистов, арестовав лидеров движения. Коммунисты были вынуждены уйти ещё глубже в подполье, переорганизовавшись через смену названий и руководства. Тем не менее уже к 1926–1927 гг. коммунисты восстановили влияние в части легальных профсоюзов и молодёжных организаций, работая через прикрытия. Ответом властей стала новая волна репрессий: 15 марта 1928 г. по всей Японии произвели одновременные аресты сотен человек, заподозренных в принадлежности к коммунистической организации [Лим, 2021, с. 211]. Эта акция во многом парализовала коммунистическое движение, многие активисты были приговорены к заключению на долгие сроки. Оставшиеся на свободе лидеры пытались восстановить оргструктуру, но давление со стороны силовых организаций не позволило поднять голову коммунистическому движению. Фактически борьба ведётся на уровне студенческих организаций при КПЯ [Лим, 2021, с. 208]. За пять лет (с 1930 по 1934 г.) было арестовано более 6000 студентов «за активное участие в социальном движении» [Smith, 1972, p. 206]. После этого организованное коммунистическое движение в Японии фактически перестало функционировать.

Коминтерн, наблюдая за разгромом своей японской секции, предпринимал попытки реанимации. Из зарубежных центров коммунистического движения в Шанхае и Москве японским товарищам направлялись инструкции с требованием усилить революционную борьбу. В ноябре 1931 года представитель японских коммунистов Окано выступил на заседании Политического секретариата ИККИ в Москве, где подробно отчитался о деятельности партии в условиях жесточайших репрессий. По его данным, около 2000 членов партии находились в тюрьмах, а в отдельные дни аресты достигали массового характера — так, в конце августа только за один день в Осаке, Киото и Кобе было задержано 1500 человек [Выступление Окано, 1931, с. 527].

Несмотря на попытки международной поддержки и героическое сопротивление, японское коммунистическое движение столкнулось с беспрецедентным давлением властей. Многие видные деятели партии, оказавшись в заключении, были вынуждены под давлением прокуратуры отречься

от своих убеждений. Некоторые из освобождённых в начале 1931 года даже создали «Рабочую группу Коммунистической партии Японии», целью которой была дезориентация революционно настроенных рабочих. Эта волна отречений и предательств стала трагической страницей в истории японского коммунистического движения, символизируя массовую капитуляцию перед лицом милитаристского «государственного террора».

К середине 1930-х гг. подпольная компартия Японии практически перестала подавать признаки жизни: численность активных членов сократилась до нескольких десятков, действовавших изолированно. Коминтерн рассматривал возможность роспуска японской секции, но формально не сделал этого, сохраняя надежду на возрождение движения.

Японский вопрос в стратегии Коминтерна (1934–1937)

В 1930-е гг. Япония превратилась в главного противника СССР на Дальнем Востоке. Агрессивная политика Токио, отзвуками которой стали вторжение в Маньчжурию, выход из Лиги Наций, курс на войну с Китаем, заставляла Москву учитывать фактор японского милитаризма при всех шагах. Коминтерн в этой обстановке акцентировал антифашистское направление и призывал к борьбе против японского империализма. На VII конгрессе Коминтерна 1935 г. было особо отмечено, что экспансия «фашистских держав» угрожает всем народам, и коммунисты должны выступить инициаторами широкого сопротивления [Выступление Окано, 1931, с. 527].

Применительно к Японии это означало, что остатки КПЯ должны, с одной стороны, проводить подрывную работу среди рабочих и крестьян против милитаристского режима, а с другой — пытаться установить связи с любыми оппозиционными правящему курсу силами. Практическое выполнение этих задач было почти невозможно. Тем не менее Коминтерн продолжал информировать мировую общественность о положении в Японии, разоблачая репрессивный характер режима. Поддерживалась надежда, что при ближайшем повороте истории в Японии вновь вспыхнет революционное движение.

Отдельно стоит упомянуть о взаимодействии советской разведки и коминтерновских структур на японском направлении. Понимая слабость японского коммунистического движения, советское руководство делало ставку на сбор информации и подрыв изнутри через разведывательные сети. В середине 1930-х гг. в Японии действовала разведгруппа под руководством Рихарда Зорге — хотя это выходило за рамки деятельности Коминтерна, Зорге и его японские помощники были тесно связаны с левыми кругами. Информация, добытая этой сетью, использовалась советским руководством для оценки планов Японии и выстраивания политики в отношении потенциальных противников. Правда, известен тот факт, что донесения группы не пользовались полным доверием в руководстве СССР. С точки зрения же влияния на массы до 1937 г. коммунисты в Японии не смогли создать ни легальных профсоюзов, ни заметной печати. Только с началом затяжной войны в Китае и ухудшением положения японских трудящихся появились некоторые предпосылки для роста недовольства, что впоследствии привело к зарождению тайных кружков сопротивления. Но это уже выходит за хронологические рамки данного исследования.

Выводы

Подводя итог, можно констатировать, что деятельность Коминтерна на японском направлении в 1920–1930-е гг. демонстрирует смещение акцента от универсалистской установки на «мировую революцию» к преимущественно прикладным задачам, связанным с обеспечением безопасности

СССР на Дальнем Востоке и сдерживанием расширения японского влияния в сопредельных регионах.

Создание КПЯ в 1922 г. и ее раннее развитие происходили в условиях зависимости от внешних ресурсов и консультационного влияния. Уже на начальном этапе устойчивость партийных структур оказалась ограниченной, что предопределило приоритет конспиративных форм работы.

Принятие Закона о сохранении мира 1925 г. и последующие репрессивные кампании привели к последовательному снижению потенциала КПЯ. К началу — середине 1930-х гг. партия утратила способность к устойчивой публичной деятельности, а активность сместилась в студенческую среду и подпольные кружки.

Разгром японской секции и массовые аресты обусловили функциональную трансформацию коминтерновских практик: при сохранении идеологической риторики возрастала значимость задач поддержания кадрового ядра, сохранения каналов связи, подпольной печати и получения сведений о внутривосточной и внешнеполитической динамике Японии. Тем самым Коминтерн в японском кейсе выступал не только как идеологический центр, но и как инфраструктура обеспечения устойчивости подполья.

В середине 1930-х гг. на фоне усиления японского милитаризма и эскалации в Восточной Азии японская проблематика в документах Коминтерна интерпретировалась в логике антифашистской мобилизации и политики широких коалиций. Однако практическая реализация этих установок в Японии была существенно ограничена уровнем давления властей и отсутствием жизнеспособных организационных рамок КПЯ.

Литература / References

Аликберов А. К., Наумкин В. В. Дипломатия второго трека в формате ситуационного анализа: опыт Института востоковедения РАН. *Вестник МГИМО-Университета*. 2024. Т. 17. № 4. С. 101–120 [Alikberov A. K., Naumkin V. V. Track-II diplomacy in the format of situational analysis: the experience of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2024. Vol. 17. № 4. Pp. 101–120 (in Russian)].

Выступление Сэн Катаяма на заседании Дальбюро ЦК РКП(б), г. Чита. 20 июня 1922 г. *ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг.* Федер. архив. служба России, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Фонд япон. историков; отв. ред. Грант Адиебеков, Харуки Вада. М.: РОССПЭН, 2001. С. 277–278 [Speech by Sen Katayama at a meeting of the Far Eastern Bureau of the Central Committee of the RCP(b), Chita. 20 June 1922. *VKP(b), the Comintern and Japan. 1917–1941*. Federal Archival Service of Russia, Russian State Archive of Socio-Political History, Foundation of Japanese Historians; ed. by Grant Adibekov, Haruki Wada. Moscow: ROSSPEN, 2001. Pp. 277–278 (in Russian)].

ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. Федер. архив. служба России, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Фонд япон. историков; отв. ред. Грант Адиебеков, Харуки Вада. М.: РОССПЭН, 2001 [VKP(b), the Comintern and Japan. 1917–1941. Federal Archival Service of Russia, Russian State Archive of Socio-Political History, Foundation of Japanese Historians; ed. by Grant Adibekov, Haruki Wada. Moscow: ROSSPEN, 2001 (in Russian)].

Программа КПЯ. Япония, сентябрь 1922 г. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 127. Д. 9. Л. 104–107 [Program of the Communist Party of Japan. Japan, September 1922. RGASPI. F. 495. Op. 127. D. 9. L. 104–107 (in Russian)].

Письмо Г. Н. Войтинского в Восточный отдел ИККИ относительно роспуска КПЯ и дальнейших действий японских коммунистов. Шанхай, 1 мая 1924 г. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 127. Д. 80. Л. 1–6 [Letter from G. N. Voitinsky to the Eastern Department of the ECCI regarding the dissolution of the Communist Party of Japan and further actions of Japanese communists. Shanghai, 1 May 1924. RGASPI. F. 495. Op. 127. D. 80. L. 1–6 (in Russian)].

Обращение Народного Собрания Дальневосточной Республики к народам и правительствам всего мира. 9 декабря 1921 г. *Документы внешней политики СССР. Т. IV. 19 марта 1921 г. — 31 декабря 1921 г.* М.: Госполитиздат, 1960 [Appeal of the People's Assembly of the Far Eastern Republic to the peoples and governments of the whole world. 9 December 1921. *Documents of the Foreign Policy of the USSR. Vol. IV. 19 March 1921–31 December 1921.* Moscow: Gospolitizdat, 1960 (in Russian)].

Из выступления В. Ульбрихта на VII конгрессе Коминтерна о пути к свержению фашистской диктатуры. Москва, 7 августа 1935 года. РЦХИДНИ, ф. 494, оп. 1, д. 269, л. 2, 31–34 [From W. Ulbricht's speech at the 7th Congress of the Comintern on the path to overthrowing the fascist dictatorship. Moscow, 7 August 1935. RTsKhIDNI. F. 494. Op. 1. D. 269. L. 2, 31–34 (in Russian)].

Выступление Окано на заседании Политического Секретариата ИККИ. Москва, 18 ноября 1931 г. *ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг.* Федер. архив. служба России, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Фонд япон. историков; отв. ред. Грант Адибеков, Харуки Вада. М.: РОССПЭН, 2001. С. 526–528 [Speech by Okano at a meeting of the Political Secretariat of the ECCI. Moscow, 18 November 1931. *VKP(b), the Comintern and Japan. 1917–1941.* Federal Archival Service of Russia, Russian State Archive of Socio-Political History, Foundation of Japanese Historians; ed. by Grant Adibekov, Haruki Wada. Moscow: ROSSPEN, 2001. Pp. 526–528 (in Russian)].

Корейцы в СССР. Материалы советской печати 1918–1937 гг. Отв. ред. Ю. В. Ванин. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. [*Koreitsy v SSSR. Materialy sovetskoy pechati 1918–1937 gg.* Ed. by Yu. V. Vanin. Moscow: IVRAN, 2004. 344 p. (in Russian)].

Лим С. Ч. Демократическое движение в университетах Японии (1918–1932). *Диалог со временем.* 2021. № 74. С. 197–213 [Lim S. Ch. Democratic movement in Japanese universities (1918–1932). *Dialog so vremenem.* 2021. № 74. Pp. 197–213 (in Russian)].

Нарышкина А. А. Политэкономика энергетического перехода: победители и проигравшие. *Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление.* 2025. № 4 (55). С. 77–84 [Naryshkina A. A. Political economy of the energy transition: winners and losers. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S. Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie.* 2025. № 4 (55). Pp. 77–84 (in Russian)].

Smith H. *Japan's First Student Radicals.* Harvard: Harvard University Press, 1972.

Takasi K. Premodern Ideas “Kokutai” as Essential Elements of Modernization in Japanese Historical Process. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies.* 2019. T. 11. № 4. Pp. 463–479.